

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Экологические и глобализационные аспекты концепции
ноономики». Стенограмма
(03.07.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сегодня – разговор о глобализации и ноономике, об экологических аспектах концепции ноономики.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Если говорить об экологическом аспекте концептуальной платформы ноономики, то речь может идти о чем? О том, что, скажем, если рассматривать концепт ноономики как общую, некую такую комплексную идею, то когда, к примеру, речь идет об экологическом факторе, – это та из тех «второстепенных» (на первый взгляд) линий, которые, скажем, будучи самоценными сами по себе, подтверждают в какой-то мере все аспекты основной базовой идеи, концепции ноономики. И эта линия рискует превратиться в первостепенную. Почему? Потому что сама идея перехода к ноономике предполагает совершенствование, изменение нашего представления о том, как мы должны жить. Естественно, тут большой вопрос. В том числе, если учитывать, что мы люди и хотим остаться людьми, в этом случае речь должна идти о том, чтобы сохранить все-таки тот мир, в котором мы должны существовать как биосоциальные существа. И в этом смысле – надо говорить о сохранении этого

мира, в том числе – сохранении природы, сохранении того окружающего, проистекающего из природной среды, пространства, в котором мы живем. Я что имею в виду? Я имею в виду следующее – что если в этом пространстве (это пространство – то, что в свое время Вернадский называл ноосферой, в каком-то смысле, только я бы вкладывал несколько другое понятие...).

АВБ. Какое?

СДБ. Вот какое? Я бы вкладывал смысл следующий – что существует природа, которая породила и порождает некие следствия. Набор взаимосвязанных причин и следствий, приведший к созданию человека мыслящего и осознавшего себя и включивший в себя все цепочки этого причинно-следственного набора, в т. ч. и мыслительную, знаниевую сферу, порождаемую человеком. И каждое звено важно. Нарушение причинно-следственных цепей приводит к деструкции и «перешивке» набора, чреватого его полным разрушением. И чем выше уровень воздействия любых факторов (включая внутренние, такие, как вмешательство мыслительной части в остальные звенья), тем вероятнее деструкция всей сферы – при условии, что такое вмешательство непозитивно для этой сферы. Например, природа может породить, условно говоря, животных, которые порождают, в свою очередь, гумус. На этом гумусе могут расти какие-то другие вещи, для кого-то это удобрение, на нем что-то растет дальше, там некая «природа», биота другая. И дальше по цепочке там еще что-то. Разрушение непродуманной цепи может привести к глобальной катастрофе. Вот сейчас проблема для насекомых во всем мире. Вымирают пчелы. Во многих регионах исчезают мелкие насекомые. Огромная проблема, не знаю, знаете вы об этом или нет, что ежедневно убивается, исчезает видов насекомых столько, каких не было никогда, ни в одной геологической эпохе. Сейчас мы находимся в состоянии того самого периода вымирания природы, который очень похож на тот, который был в период, когда исчезли сначала динозавры, потом второй был период вымирания – мамонты, сейчас вымирают насекомые. Но вслед за этим меняется вся природа, меняется почему? Потому что пищевые цепочки с этими всеми жучками, червячками, которые дают питательную базу, для птиц...

АВБ. Птицам.

СДБ. Птицам. Эти птицы служат питательной средой для других, и т. д. Далее: нет насекомых – нет опыления, пропадает пищевая база для травоядных, а за ними – нетравоядных... То есть эти вещи рано или поздно могут привести к тому, что мир изменится очень сильно, и это уже сродни изменению биогеоценозов. Такие проблемы могут возникать от действия внешних сил. Но, с другой стороны, ныне – это косвенное, а то и прямое следствие вмешательства нашего в природу, действия нашего разума («ма-разма», неразумия!). То есть то, о чем Вернадский говорил, что человек уже становится геологической силой – это правда. Не будем на этом останавливаться, это понятно. Но правда и то, что он, человек, преобразуя природу, преобразует её таким образом, как завещал товарищ Мичурин: не надо ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача. Так вот мы берем эти милости такими пригоршнями, что по пути, взяв небольшую часть, мы уничтожаем гораздо больше. И вот этот процесс усиливается, постоянно не редуцируется, а растет. И растет, больше того, с тем же ускорением ускорения примерно, что растет и технологический прогресс.

АВБ. Это очень интересная параллель, которую надо будет обязательно выделить просто. Параллель ускорения ускорения в технологическом прогрессе и параллель ускорения ускорения в экологических проблемах.

СДБ. Потому что это параллельные линии, фактические изменения в окружающем человека пространстве. Технологическая линия и био-, биологическая, виталистская линия.

АВБ. Возможно, они имеют единые корни.

СДБ. Они точно имеют единые корни, находящиеся в удовлетворении человеческой потребности, и через всю историческую ситуацию человек, преобразуя природный материал, природу, удовлетворяет свои потребности, он преобразует природный материал в продукт, рано или поздно (вообще, техноцепочка и природная цепочка – это явления одного и того же порядка), через технологический прогресс. И чем сильнее прогресс технологический закручивается, тем быстрее идет переработка природного материала в неприродный. По пути не только «беря милости от природы», но и уничтожая

всё окружающее пространство. Таким образом, человек рискует, удовлетворяя свои потребности, а напомним, что в концепте ноономики есть очень важный момент – это удовлетворение несимулятивных потребностей. И если симулятивная компонента наших потребностей будет продолжать наращиваться в таком темпе, как сейчас, то мы рискуем превратить наше окружающее пространство в то, что уже не может приносить нам вот эти самые милости. И возникает сингулярность, возникает точка перегиба, после которой мы не можем возвратиться назад, безвозвратно. Отсюда – главная мысль ноономики, что нам необходимо поднять человека, уровень его знаний и культуры, внутренней убежденности, осознания необходимости это не делать, отходить от симулятивных потребностей и возвращаться к своему естественному человеческому, именно – ноопринципу развития; это и значит, не «зоо»-экономическому (если вдуматься – самоедскому), а ноопринципу развития как единственной разумной альтернативе.

АВБ. От зоо к ноо, вот этот.

СДБ. Это и есть тот способ хозяйствования, который называется ноономикой, не «зоо»-номикой, как эта нынешняя экономика. Действительно, это зоономика. Да, а необходима ноономика. То есть та самая система удовлетворения разумных потребностей, которая позволит человеку осуществлять реализацию цивилизационного развития через осознание этих проблем, через получение дополнительных знаний о том, что делать это нельзя и через имплементацию этих знаний в сознание человека – осознание... Только после этого и в результате этого мы сможем эту сингулярность преодолеть. Не после этого даже, а в результате этого осознания преодолеть сингулярность, скажем так. Технологический прогресс нам такие возможности может предоставить, но нам нужно обязательно дойти до того, чтобы эти знания технологические и знания социальные, знания сферы общей культуры, объединились в одно желание человека сохранить себя как человека, сделав свою жизнь лучше, постоянно удовлетворять свои потребности – несимулятивные. Эти потребности должны все-таки коррелироваться со всеми возможностями, которые предоставляет нам общество, технологии и т. д. Не исключено, что завтра эти проблемы не

будут важны, мы вместо одного будем применять для тех же целей нечто другое, условно говоря, не будет нефти, не будет газа, будет нечто другое. Мы, может, не будем копать землю, а будем развивать территории и т. д. Может, нам вместо железа придется использовать другой какой-то материал – тогда нам не нужно будет копать горы, разрабатывать рудники, шахты и прочее, прочее. Возможно, что нам не надо будет дымить и коптить и химию разводить, а что-то другое делать, нам предоставит техпрогресс такие возможности. И тогда мы не будем уничтожать насекомых, тех же самых, и т. д. и т. п.

Возможно, что мы вообще уйдем от этого и, при материальной базе в условиях ноономики, с выделившимся ноопроизводством, будем жить в более виртуальной реальности, чем в «реальной» реальности. Технологический прогресс нам позволит это сделать, но мы должны параллельно подтягивать свои знания социальные, свои знания устройства общества и его переустройства на основе этих знаний об обществе, как мы переустраиваем свои производственные функции. Так же, как мы перестраиваем свои другие функции, нужно перестраивать социальные функции, функции управления государством, функции сохранения разумного уровня капитала и его контроля, функции управления, администрирования, функции «администрирования» всей нашей жизни. Это, именно вот это должно быть единой идеей, идеей ноономики, идеей перехода к новому типу хозяйствования.

АВБ. Здесь несколько нюансов, которые как раз очень интересны, развитие которых Вы просто сейчас наметили. Значит, нюанс первый, если мы переходим к виртуальным потребностям, многие это воспринимают как компьютерные игры и прочие забавы. На самом деле ведь основная концепция, которая у Вас в ноономике есть, – это общение в пространстве знаний. То есть когда приоритет потребности в переработке, то есть покупки новой кофточки или новой машины заменяется приоритетом в потребности освоения нового знания, передачи знаний. То есть...

СДБ. А Вы знаете, Александр Владимирович...

АВБ. Когда меньше ресурсов потребляется, потому что возникает новый класс пространства жизни. Я правильно понял?

СДБ. С ресурсами-то понятно, они должны в ноономике использоваться рационально – и с учетом в том числе возможностей из возобновления, и т.д. И виртуализация жизни человека, похоже, будет способствовать, в т.ч., рационализации ресурсопотребления, можно с Вами согласиться. А с виртуальностью вот в чем дело. Кофточка сегодня – ведь чаще не предмет одежды для укрывания от холода, а предмет престижа, имиджа и т.п. симуляций. Для чего? Чтобы произвести – что? Да, впечатление. Вчера в Париже я посетил музей Орсе. Я решил еще раз возобновить свои знания в отношении импрессионистов, и неоимпрессионистов. А там как раз новая выставка. Я пошел, посмотрел эту выставку, первый этаж, второй этаж, пятый этаж, где более новые картины представлены. Значит, специальная коллекция. Ван Гог. Ренуар. А вот и Кандинский. Хорошо, все хорошо, интересно, вспомнил, получил удовольствие, вот. Знаете, ощущение такое, будто побывал на живой природе, хотя это – просто, казалось бы, картины. И ясно, почему это течение называется импрессионизмом. Потому что «импрессион», впечатление они сумели создать, импрессионисты. Они сумели сделать свои картины как будто, понимаете, я в окна посмотрел на живую природу. И увидел отдельные вещи, глубоко продавившие мое сознание. И когда я насмотрелся, прошел по этому этажу пятому, я не захотел потом ничего смотреть больше. Ни там декоративное искусство, ни что-то еще такое. Я вышел оттуда, все, сел в такси, приехал в отель и, наверное, часа полтора был под впечатлением, будто на природе побывал. Хотя вроде бы разные авторы, да, но они так сумели дать мощное впечатление, особенно те картины, которые отражают те или иные виды – сельская местность, природа, что-то еще. Да, они добивались чего? Своими выразительными средствами? Добивались выразительности, импрессионизма, то есть импрессио, впечатления, создания впечатления. Это – разные авторы, но они сумели это, одно и то же, а именно: воздействие на зрителя сделать. И вот, создание впечатления для меня заменило посещение луга, поля, заменило что-то и что-то еще. И полное впечатление, мне казалось, даже запах я чувствую этой травы нарисованной, так и кустов, деревьев, шум слышал ветра, и прочее, и прочее. Это – не фантастика, это – да, для меня это

стало как бы реальностью, но это почему? Потому что на мой мозг такое впечатление произведено. Но если технологический прогресс позволит нам завтра добиться гораздо большего впечатления, воспроизведения чего-то, этого «конструирования» чего-то, а не только воспроизведения – отпадает, во-первых, необходимость много тратить времени на путешествия, на прочее, во-вторых, мы получаем новые знания, новые осознания, новые впечатления через технологические устройства. И не только в этой сфере. Многого мы можем получить виртуально во всех областях наших интересов и потребностей и быть ими вполне удовлетворены!.. Дальше, эти устройства позволяют одновременно обмениваться своими впечатлениями и знаниями с другими людьми. Вот там люди ходили и обменивались впечатлениями, друг с другом, там много было людей, и основная масса хотела это узнать, познать. В этом есть потребность. И она растет. Посмотрите, какие очереди в эти музеи. И очереди, я вот по своему наблюдению за 25 лет, когда я езжу по Европе, вижу – очереди растут, не уменьшаются. Хотя, казалось бы...

АВБ. Насыщение должно наступить.

СДБ. Насыщение должно быть, да ничего не наступает. Да, появляются новые поколения людей, которые хотят это узнать, почувствовать, впечатлиться и т.д. И их – все больше. И музеи меняются, постепенно выходят в виртуал. То есть два момента есть: с одной стороны, технологический прогресс позволяет этого добиться – получить впечатление, не путешествуя, все больше и больше, с другой стороны – мы можем получить эти впечатления как некую потребность, новую для человека. Понимаете, это новая потребность не только в отношении конкретного искусства, чего-то еще, это потребность человека в осознании себя, а технологии позволяют ему это с двух сторон сделать. Не слишком тратясь и путешествуя, не тратя свое время, с другой стороны, обмениваясь между собой, виртуально, также обмениваясь между собой, как если сейчас мы пишем какие-то посты, там, в интернете. В Фейсбуке или где-то еще там, обмениваемся. И дальше этот обмен будет ускоряться, упрощаться. Мы проще найдем коллег по интересам, к примеру, если мы собираемся с вами, смотрим – кому интересен

импрессионизм? И у нас сразу образуется кластер, да, и мы посмотрели, обсудили. А посмотри там, а вот это, а вот это!.. такие возможности – гораздо богаче, чем если мы просто побывали на выставке, посмотрели. То есть – это рост осознания, рост возможности, с одной стороны технологической, с другой стороны технологии подталкивают человека к повышению уровня своей культуры, через формирование возможности, формирования потребности человека в этих вещах.

АВБ. Вы знаете, осознание – это очень важный момент, но вот Вы заметили еще одну деталь важную – рост очередей в музеи. Не в магазины или еще куда-то. Мне кажется здесь...

СДБ. Я, кстати, был в магазине Галери Лафайет, да, могу сказать, что там народу было намного меньше, хотя это огромный...

АВБ. Больше музея д'Орсе. Это кстати, может быть еще один «крест Бодрунова», снижение потребности, ну, или, по крайней мере, как желательный тренд...

СДБ. Я не скажу, что замечаешь снижение потребности, если это наблюдать поверхностно. Но если посмотреть по составу людей, которые там ходят, то в Галери Лафайет сейчас гораздо больше людей, которые приезжают туда из Азии, из стран, где уровень жизни основного населения ниже и где ценности те, которые представлены в виде товаров, продуктов Галери Лафайет, являются высокими ценностями для этих людей, пока. Китайцы, например, их нарождающийся средний класс, те люди, у которых недавно страны вышли на более высокий уровень, у которого часть населения становится побогаче и может себе позволить поехать, купить. Некоторые набивают огромные сумки ненужных, абсолютно ненужных вещей, на мой взгляд. Потому что покупают просто много, баулами целыми, спрашивается, зачем? Это же – индивидуальная носка, то есть столько носить не будешь. Пока еще не наелись, что называется, пока не насытились. Но там гораздо меньше стало европейцев, почему? Потому что эти страны уже добились определенного уровня технологического развития, которое позволяет удовлетворять без особых усилий те потребности, которые в пирамиде Маслоу являются где-то в нижней части, и даже симулятивные частично потребности. Возникли лучшие

возможности удовлетворения через технологии, которые позволяют сегодня и индивидуализировать запросы, и там отдельную какую-то одежду специального типа, к примеру, скроить, сделать, и прочее, и прочее. То есть это видно. Если внимательно посмотреть, то видно. Посмотрите на среднего европейца, как он одет? Он одет casual, даже не носит костюм, как я, как правило, это уже устарело. Он носит более свободную одежду, как профессор Бузгалин, да?

АВБ. Я иногда тоже костюм надеваю.

СДБ. Да, иногда. А люди, которые ходят по Европе, так называемые европейцы, посмотрите в чем? Джинсы, какая-то такая кофта, удобно, надел, пошел, не глядя ни на что. Так доходит до абсурда, иногда смотришь, уже и безвкусица вроде бы полнейшая. Но – человеку удобно и комфортно. То есть это говорит о чем? О том, что да, у него есть деньги нечто брендовое купить, и не в одном экземпляре, в основной массе, но он это не покупает, он уже осознает, что у него того, что у него есть, ему достаточно, он на это не обращает внимание. Есть уже такие категории людей, это видно по общему движению за 20-25 лет. Так что, может быть, Вы и правы, что, действительно, потребность в такой симулятивной роскоши, значит, у значительной части населения в среднем снижается.

АВБ. Я бы сказал, может быть, это не столько уже существующий тренд, сколько...

СДБ. Намечающийся.

АВБ. Намечающийся и желательный, я бы сказал.

СДБ. Желательный, но и намечающийся.

АВБ. Он объективно намечающийся.

СДБ. Намечающийся, да. И мне кажется так еще и потому, что вот стоят на улице многие вещи, которые раньше бы вызывали интерес и могли быть украдены. Стоят всякие самокаты разнообразные, стулья на ночь кафешки оставляют на улице, зонты и прочее, просто на улице стоят, никто не берет. Потому что это уже не является той самой ценностью, которая была 15, 10 лет назад. Это есть у всех, кому надо, и этого добра всем хватает. У меня такое ощущение, что это отражается на магазинной инфраструктуре: посмотрите на магазины, как изменилась структура магазина. Если раньше было, помните –

кассы, обязательно барьер, чек, проверка. Сейчас зашел в огромный магазину, я не помню название, книги продаются, ноты, диски, детские книжонки, что-то такое. Я зашел в магазин просто ради интереса, посмотреть старые книги какие-нибудь, просто интересно, время было. Значит, внизу, в одном месте, там где-то глубоко внизу, сидит человек, владелец этого магазина, женщина, которая что-то там себе печатает, проверяет какие-то чеки, а десятки, сотни, наверное, человек под сотню, ходят по разным этажам, в подвале, где-то еще, забирают все книжки, на улице у неё выставлена огромная выставка, книжки, там, всякие диски и т. д. и т. п. Потом все, кто хотел купить, идут, ищут её, чтобы заплатить и унести. У людей нет такой уже страсти – схватить и убежать, понимаете? То есть изменилась система торговли. Почему? Потому что книг много, они разные, они удовлетворяют потребность людей в том, что они ищут. Значит, они представляют – не будет этой книги, по интернету заказал другую книгу. В общем это становится не таким дефицитом, как это было раньше, потому что во многом дефицит подстегивал к тому, что вот это перед тобой – ценность, раз ценность, надо где-то перепродать, купить, не достать, не найти. В конце концов, отсюда подогреваются и античеловеческие страсти: упереть, украсть что-нибудь такое и т. д. Вот вам прогресс, возможность вот эта прогресса – накормить, условно говоря, и «параллельно» дать возможность перевоспитать человека. Фактически, так сказать, того же человека...

АВБ. В некотором смысле он сам перевоспитывается.

СДБ. Автоматически происходит процесс. Потому что ему это уже становится не надо, и для него – и это не надо, и это не надо, а вот это надо, и вот это надо, но за это я могу заплатить. Он становится другим, уважать себя начинает, чувствовать себя «больше» человеком, это важно.

АВБ. Это важно. Есть еще один аспект, который вы мельком сейчас заметили и который, по-моему, на базе Вашей концепции хорошо развит. Аспект умного производства в связи с экологическими проблемами. Я даже не знаю, где здесь может быть связь, но каким-то нутром, мне кажется, может быть какая-то связь. Какая – не знаю.

СДБ. Нет, связь здесь абсолютно понятная на самом деле, если внимательно подумать. Умное производство – не просто умное. Что мы подразумеваем под умным производством? Под умным производством мы подразумеваем то, что это производство удовлетворяет потребность людей, мы полагаем, заменяя все больше и больше функций человека как человека. У меня сначала руки заменяли, потом за меня в какой-то мере рычаги управления, потом мозг, какие-то счетные операции перешли к автоматам и т. д. То есть человек становится над производством, чем более умную операцию человек оставляет за собой, человек делает, тем он, условно говоря, становится «больше» человеком. Поэтому когда техника умнеет, то есть начинает заменять человека в разных местах – сначала механические функции, потом какие-то другие и, наконец, интеллектуальные функции постепенно – это и есть также умный продукт производства. Это – как элемент производства. Если мы говорим о производстве, помните элемент: продукт – это то, что может быть продано. Умное производство – это значит что? Продукт уже мы рассмотрели, он становится более интеллектуальным, более умным. Но и все остальные элементы, которые там есть в производстве, они тоже стали более умными, с точки зрения применения интеллекта. Если мы посмотрим «на другую сторону» интеллекта, что такое интеллект человека? Это – то самое сознание его, что гадить нельзя, что делать надо по уму, и так далее и т. п. То есть – автоматически он ищет возможность такую потребность удовлетворить при более рациональном измерении достижения результата (с учетом требований экологии, того-сего, то есть этого осознания). В результате технологии, которые человек начинает применять, все больше и больше становятся «более умными». Умными – это значит и экологичными, в том числе.

АВБ. То есть смотрите, получается такая связка, я её сейчас немного примитивно попробую сформулировать. Чем умнее производство, тем умнее человек, чем умнее человек, тем умнее его потребности, чем умнее потребности, тем лучше для экологии. Не совсем так?

СДБ. Не совсем, хотя во многом.

АВБ. А как?

СДБ. Еще раз смотрите.

АВБ. Чтобы прояснить до конца эту связку.

СДБ. Да. Прояснить. Значит, когда мы говорим просто о человеке, без всякого производства, «без ничего» – так мы говорим о том, что человек, удовлетворяя свои потребности, сначала удовлетворяет потребность чем? Что у него ближе? Самая простейшая потребность – руками, чем-то еще, да, там, извините, зубами. Он возвышается постепенно в удовлетворении своих потребностей. Все больше и больше появляется интеллект в удовлетворении своих потребностей, применения интеллекта. Человек в результате производит нечто все более и более интеллектуальное, более интеллектонасыщенное, знаниеинтенсивное, знаниенасыщенное. Технологии возвышаются, помним, что производство – результат его – это продукт. Он становится более интеллектуальным в результате деятельности человека. Но у производства есть еще другие функции, элементы. Все эти функции становятся также более интеллектуальными, более умными. И автоматически, видимо, когда человек начинает думать: а потом что, как удовлетворить свою потребность, один из этих аспектов потребностей или одну из страт потребностей, он понимает – это потребность в удовлетворении своего желания жить по-человечески, жить в красивом обществе, в красивом помещении, экологически чистом, просто чистом пространстве. Мы сохраняем природу, мы хотим этого. Хотим? Хотим. Поэтому технологии, когда мы чего-то хотим делать, они удовлетворяют эту потребность, поэтому они умнеют «в эту сторону», в экологическую сторону умнеют технологии. Они умнеют, потому что человек все более и более интеллектуально продвинутые вещи внедряет во все эти элементы производства. И в то же время всякое умнение, поумнение человека направлено в определенном направлении, индустриальном. Его тренд меняется. Если мы говорили раньше о тренде удовлетворить потребность людей, нашлепав всего и сделать как можно больше денег, то сейчас один из трендов, может быть, не столько много денег, а гораздо больше, важнее сохранить реку Волгу, что-то еще такое, для будущих поколений, и прочее и прочее. Этот тренд становится всё более мощным, всё более сильным. И он, соответственно, исправляет это направление, удовлетворения человеческой потребности, поэтому

и технологии будут двигаться сюда же, в эту сторону. Если, конечно, этот тренд не уйдет.

АВБ. Отлично. Так, мне кажется мы первую часть, неожиданно появившуюся, очень красиво сформулировали. Теперь, если у Вас еще есть силы на вторую часть – про геополитику, то, что наметили.

Так, значит, у нас было несколько аспектов в связи с этим пространственным измерением изменений, которые происходит при переходе не только от «зоо» к «ноо», но и при переходе от экономики к ноономике, да? И в этой связи встает вопрос, а как все это связано с процессом глобализации, международного экономического соперничества, соотношения национального интереса, национальных интересов капитала, в общем, довольно широкий спектр вопросов такого геополитэкономического характера появляется, богатый.

СДБ. Сейчас я отвечу.

АВБ. Да, да.

СДБ. Тема большая, значит, реально – на большую книжку, в духе Р.Десаи.

АВБ. А Вы ведь недавно говорили про то, что не о чем больше писать... Вы знаете человека, который придумал такое – человек, сидящий тут в кресле...

СДБ. Писать, может быть, больше нечего, главное описано в «Ноономике» и других книжках, а говорить все еще, конечно, вокруг этого есть о чем.

АВБ. Есть и писать, и говорить, да, я вижу.

СДБ. Ладно, попробуем пару слов о глобализации.

На самом деле глобализация как явление есть выраженная потребность в расширении сферы действия финансового капитала, его функция (в определенном смысле), или, скажем, производная. Развитие товарных рынков в определенное время привело к рождению финансового капитала, их обслуживающего, превратив деньги в «господина», сюзерена экономических отношений. Ну а уж деньги, финансовые рынки, в силу и своей природы, и непрерывной потребности к расширению сферы действия, захвату «зон влияния», стали определяющим образом воздействовать на структуру и инфраструктуру т. н. международной торговли; корпорации, захватив национальные рынки, постепенно вышли за

пределы национальных территорий и «пошли в народ» (в другие страны и на внешние рынки), превративших в многоотраслевые конгломераты и транснациональные бизнес-структуры, их «переплетение», «освященное» переливом капитала, легло в основу формирования глобального рынка... Именно финансовый капитал диктует сейчас политическим силам правила ведения политики во всех областях жизни общества. Отсюда – всевозможные объединения (в первом своем смысле – торгово-экономические), торговые войны, псевдо-за-демократические санкции и пр. Кстати, кое-где в этих рассуждениях идет переключка с известной книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал».

АВБ. Спасибо...

СДБ. Замечу, во многом подобное развитие событий предрекали и К. Маркс, и в чем-то В. Ленин... Но если мы посмотрим в корень, процесс глобализации связан с технологическим развитием общества, человеческого общества, цивилизации. Более того, в некотором смысле, в парадигме «зоо»-развития им предопределен. Почему? Потому что, предоставляя капиталу возможности расширения, в условиях «недоокультуривания» человека в целом (недо-«ноо», в смысле ограничения симулятивных потребностей), технологический прогресс ставится на службу мало чем ограничиваемого финансового капитала. Потому что технологический прогресс позволяет капиталу более эффективно переливаться, использоваться и т. д., одновременно удовлетворяя возможность капитала, желание капитала, капиталиста приумножить капитал – помните функцию, которую мы обсуждали?

АВБ. Да.

СДБ. Значит, технологический прогресс как бы ищет, можно сказать, создает новое пространство для того, чтобы активно эти пространства втянуть в этот самый процесс удовлетворения потребностей, а финансовый капитал, в том числе, требует удовлетворения симулятивных потребностей. Что касается глобализации, то это – постепенное втягивание отдельных геополитических ареалов, что ли, в этот процесс. Он, технологический прогресс, как раз, это позволяет, это, по сути, и есть глобализация, ее корневое существо. То есть глобализация –

это то, что позволяет сегодня продвигать основную возможность продукта как феномена для удовлетворения человеческих потребностей, включая все разрастающийся их симулятивный сегмент, используя расширяющиеся возможности технологического прогресса.

АВБ. Еще раз. Я просто не включился. Значит, глобализация – это процесс, который...

СДБ. Это процесс расширения, можно сказать, финансовых капиталов, в первую очередь. Который, в свою очередь, направлен на то, чтобы увеличивать объемы неважно каким путем. Делать этот процесс бесконечным. А каким путем? Таким путем (скорее, беспутством!), что сегодня удовлетворение симулятивных потребностей достигло своей критической точки. Технологический прогресс, став орудием финансового капитала, создает новые потребности, но – все более симулятивные потребности и их тут же удовлетворяет, втягивая тем самым в этот процесс всех и вся: с одной стороны, нужно разместить продукт куда-то, с другой стороны – нужно создать возможность, чтобы этот продукт брали. Но, с третьей стороны, он использует ресурсы, те, которые остались, где-то есть, которые еще не задействованы, для того чтобы как можно эффективнее продвигать этот самый продукт и чтобы, в свою очередь, наращивать финансовый капитал. И вот этот процесс сильно подпитывается, можно сказать, не просто подпитывается, а в основе его лежит технологический прогресс. Потому что если бы технической возможности не было для расширения этих технологических, экономических возможностей, эти возможности не были бы так широки, так широко бы не шагали. Здесь мы подходим в историческом таком плане к точке, когда глобальный процесс финансиализации уже захватил все основные площадки. Теперь у него не остается возможности драматически крупных территориальных приобретений – возможности расширения экстенсивной, не остается ничего, кроме как перейти к интенсификации этого самого губительного процесса. Интенсификации в чем? В использовании природы, в первую очередь, в том числе, природных материалов, сырья и т.д. Невзирая на ущерб. И копает всё глубже, лезет всё дальше, в Арктику, куда угодно, «добывает» и добывает все больше. Дальше, он на этом не останавливается, он

лезет в душу человека. Почему? Потому что «попутно» он создает человеку такие потребности, о которых он не думал раньше и которые на самом деле являются симулятивными. Тем самым губим человека. Он финансовый капитал меняет, лезет в социальную сферу, меняя отношения людей, требуя от них, знаете, потребительства, масс-культуры и т.п. других вещей, которые, в общем-то, не являются для человека столь важными на самом деле, как это всё формируется искусственно и вбивается в человеческий мозг вот этим глобальным капиталом. Это – связь; эта связка, так скажем, между технологическим прогрессом и финансовым капиталом, глобализацией через финансовый капитал, глобализации в целом, имеет свои следствия, предполагает накладывание определенных условий на существование общества. Соответственно, формируется структура продвижения финансового капитала и т. д. Значит, существует, формируется структура мер государственного и негосударственного соответствующего образования, которое тоже содействует международной торговле, и т.д. Таким великим вещам. На самом деле все это – движение финансового капитала. Я, например, против того, чтобы создавать новые правила международной торговли в том виде, в котором она сегодня существует.

АВБ. Почему?

СДБ. Именно потому, что это современная международная торговля есть механизм продвижения интересов финансового капитала. И только!

АВБ. И навязывания симулятивной потребности.

СДБ. И навязывания симулятивных потребностей, в том числе, а скорее даже в приоритете. Каждый нынешний продукт есть результат переработки тонн природного вещества. Пара туфель требует в производстве от десяти до тридцати тонн свежей воды. А сколько их, «красивых и разных», стоят по магазинам и утилизируются потом, не будучи проданными, либо попользуются ими единицы в единичных случаях! Писали, что у г-жи К. Собчак целая комната занята шкафами с туфлями, их там сотни. И давайте учтем использование под это дело ресурсов планеты, ресурсов людских, человеческой души и чего угодно.

Еще раз подчеркну – считая все на своем пути. Живой пример – Камбоджа. Привезенные капиталистами-колонизаторами сотню лет назад в представляющие сплошные джунгли страну деревья гевеи превратились в могучие плантации. Гевея дает сок для резиновой промышленности 20-30 лет, потом ее нужно бросать, плантация превращается в кладбище сухостоя; это требует постоянной ежегодной вырубке прилегающих джунглей, посадки новых деревьев и разрастания плантаций. Процесс ширится, и ему способствует применение новых технологий для увеличения производства каучука (который на 100% идет на экспорт, подчеркнем это особо, ибо так глобальный финкапитал «вынимает душу» и «выжимает соки» из любой попавшей в его когти территории!). Прогноз ООН: Камбоджа к 2030 году станет единственной страной в мире, где вообще не станет природного леса! При этом страна стремительно превращается в страну казино, банков, теневого капитала, сутенерства и др. бррр..., стремительно меняется состав населения, местное население мигрирует либо нищенствует в стремительно «взлетающих», как миражи из воздуха, городах (по темпам роста ВВП, так его растак, страна многие годы формально обгоняет Китай!) – так действует финансовый капитал. Разрушая не только конкретный лес, его неповторимую красоту, флору и фауну. И разрушая тем самым душу, природу и общество. Это – глубинная связь.

Есть известная международная организация Global Footprint Network, GFN. Она придумала методику, хорошо обоснованную, расчета так называемого «экологического долга», и каждый год устанавливает на основе этой методики т.н. День экологического долга – дату, когда количество потребленных человечеством ресурсов превышает количество ресурсов, которые Земля может восстановить за год. Такой день в 1970 году был в декабре, т.е. экодолга не было. Потом, с 80-х годов (см. начало периода глобализации, видна четкая корреляция!), он возник и продолжает нарастать. В этом году День экодолга – примерно 30 июля! За эти годы суммарный накопленный экодолг составил более 16 лет. А экстраполяция по методикам GFN показывает, что если мы такими темпами будем продолжать «прожигать жизнь», экодолг наш к 2050 году составит 400 с

лишним лет!.. Конечно, если мы еще будем жить... При этом эта методика не учитывает темпы загрязнения природы. Все эти полярные острова бочек от солянки, гигантские разливы нефти в морях и на суше, сотворяемые человеком ежегодные циклопические таежные пожары в Сибири и в Калифорнии, техногенные катастрофы типа Тримайл Айленд, Фукусимы или Чернобыля, моря пластика в океанах, исчезновение сотен видов биоты ежегодно... Кстати, их еще одна комплексная оценка касается восстановления потребленных человеком воды, свежего воздуха и почвы – в 1970 она составляла 0,9, в этом году уже 1,75. Темпы роста – вдвое, и все время ускоряются. Это – прямой путь к глобальному изменению климата. Невосстановимому! Вот вам глобализация в «зоо»-варианте!

Хотим ли мы жить в такой среде? И сможем ли?..

АВБ. На самом деле это...

АВБ. И если мы к этому не добавим других знаний – о необходимости разумного самоограничения, использования «ноо»-подходов к организации нашей жизни, и в первую очередь возможностей технологического прогресса, не добавим в микс нашего пространства осознания мира вот этих знаний-осознаний через культуру, через воспитание человека, не синхронизируем эти процессы, мы придем, очевидно, к катастрофе. Впереди, еще раз подчеркну, – точка сингулярности нашего цивилизационного развития. Мы можем пройти ее незаметно, но последствия ощутим очень скоро. Выбор – либо продолжаем «зоо»-жизнь с «зоо»-экономикой, «зоономикой», и тогда нас вполне ждет то, о чем сказано выше, либо выходим в НИО.2 и постепенно формируем ноономику.

Но есть ли у человека эти знания? Есть. Они есть у общества. Но их финкапитал ограничивает в применении и массовом осознании. В головы внедряют гораздо больше знаний касательно продвижения интересов финкапитала – посмотрите, сколько университетов изучает финансовые рынки, глобальные технологические линии развития (в пользу, конечно же, их применимости в рынке!) и т. д. А сколько людей занимаются глубоким исследованием феномена культуры? Намного меньше, понимаете, на каждом этапе сейчас мы это видим. И когда пытаются хотя бы в школе ввести основы православной

культуры, то невежественные люди поднимают «кипеж»: а зачем нам, нашим детям эта самая православная культура? Но на самом деле – это культура. Это – первое. А потом уже – православная. Хотя то же православие вполне себе четко содержит элементы осознания воспитания феномена самоограничения, учета общественных интересов как более высоких по отношению к эгоистичным, и т.п. Точно так же – исламская культура, какая-то еще культура. Культуру нужно, если на то пошло, сейчас не «гасить», что поддерживает и к чему усиленно подталкивает финкапитал (воспитывая «потребителя», развивая «общество потребления»!), а усиленно насаждать, начиная с детских лет, чтобы человек рос в этом осознании, осознании безусловной необходимости учета интересов общества, понимания, что такое воистину «хорошо», а что такое «плохо». Вот я знаю, был в одной из школ, где развиваются т.н. одаренные дети, с шести лет до выпуска. Если с таким ребенком разговаривать, то ему абсолютно неинтересны какие-то явления масс-культуры или того, что интересует детей его возраста в обычных школах, уже в 12 лет. Он не знает, например, этих всех наших поп-исполнителей, рэперов разных; про Диму Билана – а кто это такой? Он не понимает, почему другие его сверстники кричат, хлопают в ладоши, сходят с ума по подобным кумирам и связанной с ними, «под них» симулятивной культурой (всякие фенечки, фишечки, маечки, очёчки и пр.) и т. д. Зато он прекрасно разбирается в классической музыке – не только Чайковский, Бах, Лист, Моцарт, но и Вивальди, Альбиниони, Гретри, Мейербер и т. д. И знает в подробностях их не просто биографии, а детали их жизни – ему это интересно. Он читает с листа. Читает музыку с листа. И в интернете слушает классические вещи, сверяя их с нотной записью, а не гоняет по сайтам с «фишечками»... Понимаете, это – человек культуры. У него, уверен, когда он возмужает, с более высокой степенью вероятности не возникнет мысли идти зарабатывать деньги, поставляя другому человеку дерьмо или внедряя ему в голову, что это дерьмо ему нужно. Понимаете? Это – люди нового поколения. Индиго. Вот таких надо растить обществу – культурологов, математиков, технарей, людей новой мысли, не жадных до материальных благ (при условии их достаточного

удовлетворения), интересы которых станут выше эгоистических интересов «бредпринимателей», которых сейчас массово готовит общество, порабощенное фейковой парадигмой приоритета предпринимательства над культурой.

АВБ. Да, это очень важно. Тогда, получается, что надо...

СДБ. Это нужно воспитывать в школе, везде. Но общество должно для этого многое сделать, и, в первую очередь, осознать, что для этого необходимо менять программу, менять систему подготовки, менять учителей, если на то пошло, менять технологии образования, менять многие вещи. Объединяя этот процесс гораздо более широко, чем производственное образование, гораздо более. Помните, у нас (ИНИРа и КРОНа) ежегодно конференция в Москве проводится: Конгресс ПНО (по интеграции Производства, Образования и Науки). Но еще – и культуры, правда. Не «и культуры», а я бы его позиционировал так: культура, производство, наука, образование.

АВБ. Кстати, это хороший тезис, который надо записать.

СДБ. Что имеем.

АВБ. Да. И это очень правильно.

СДБ. Ну, видите, как у нас здорово получилось объединить наши точки зрения...